Утренний выпуск.
Объявления за строку петита или заним. его мѣсто въ Латвіи въ текстѣ 1 Л. 40 с. (70 р.) нонпарель, труда 14 с. (7 р.) вокзал текста 34 с. (17 р.) + 5% гор. налога. Для заграницей 10 мнер. пенн. за строку.

Ред.: Рига, Мельничная 57 (уг. Церк.) Тел.: ред. — 21219, гор. хрон. 21753 и 21334, почт. редакц. — 21334. Главная контора и экспедиція Рига, Мельничная ул. 57. Тел. контора 21030, телеф. рекламного отдѣла 21325.

СЕГОДНЯ

№ 193. выходитъ утромъ и вечеромъ. 11-й г. изд.

Воскресенье, 14 іюля 1929 года.

Цѣна номера въ Латвіи 16 сант. 8 р. въ Литвѣ за оба мѣс. 60 лит., въ Польшѣ за оба мѣс. 80 грш., за утр. 40 грш. за воскр. Подп. мѣс. на „Сегодня" въ мѣсяцъ (за 7 нум. въ нед.) въ Латвіи 3 Л. 50 с. (175 р.), загр. 5 Л. 20 с. (260 р.) или 1 вмер. конд. Подп. мѣс. на „Сегодня" и „Сегодня Вечерняя" (15 нум. въ нед.): въ Латвіи 5 Л. 75 с., загр. 8 Л. 50 с. или 1.70 вмерзк. конд.

Чеховъ въ наши дни.

«Все въ прошломъ.» Таково первое внѣшнее впечатлѣніе отъ Чехова, когда его читаетъ нынѣшнее молодое поколѣніе...

«Въ прошломъ» чеховскіе герои, чеховскія настроенія, чеховская интеллигентская грусть, тонкое воспріятіе жизни, неопредѣленность мечтаній о времени, когда «небо будетъ въ звѣздахъ».

Какъ все это далеко отъ жестокой, суровой, грубой современной русской дѣйствительности!

А все-таки Чеховъ любимъ, горячо любимъ не только въ зарубежной Россіи, но и «тамъ», гдѣ все перевернулось, гдѣ психологія другая, людѣ иные. Любимъ и читаемъ не только представителями старшихъ поколѣній, но и молодой порослью...

Если насъ Чеховъ волнуетъ, трогаетъ, то это можно объяснить слабостью «стариковъ» къ воспоминаніямъ о прошломъ, которое такъ художественно отразилось въ творчествѣ Чехова. Но почему и въ Сов. Россіи Чеховъ живъ, какъ писатель, почему его произведенія пользуются и тамъ несомѣннымъ успѣхомъ? Почему даже сегодняшній день, печальный юбилей преждевременной смерти Чехова коммунистическіе владыки, самовластно распоряжающіеся печатнымъ словомъ, не рѣшились обойти полнымъ молчаніемъ или ознаменовать его запретомъ?

Это было бы только послѣдовательно и «созвучно» господствующей идеологіи. Именно эта идеологія требуетъ отверженія Чехова и предотвращенія новаго общества отъ «плетворнаго» вліянія чеховской интеллигентщины.

Чеховъ всегда былъ далекъ и въ жизни, и въ литературѣ отъ политики и даже т. наз. общественности. Онъ былъ художникъ, котораго наши идейные критики сначала даже упрекали въ чрезмѣрномъ объективизмѣ, въ слишкомъ безразличномъ отношеніи ко всякаго рода общественнымъ идеямъ. Чеховъ не примыкалъ и къ опредѣленному политическому направленію. Но въ чеховскомъ подходѣ къ людямъ, въ его отношеніи къ правдѣ и любви, въ его проникновеніи въ реліігіозныя переживанія были, можетъ быть, самыя цѣнныя черты русскаго идеалистическаго міроощущенія. Чеховская простота, искренность, боязнь позы, легкая насмѣшка надъ самимъ собой — все это отъ Россіи, отъ русской интеллигенціи, отъ русской природы. Именно поэтому Чеховъ такой близкій, родной, понятный и любимый...

И какъ чеховскія настроенія противоположны общественнымъ, идейнымъ трафаретамъ, обязательнымъ въ нынѣшней Россіи! Чеховская терпимость къ людямъ, художественное отвращеніе къ доктринерству, исканіе правды человѣческой внѣ внѣшнихъ соціальныхъ перегородокъ, органически чуждо и непостижимо для прямолинейныхъ сторонниковъ насилія, классовой борьбы и всеспасающаго партійнаго догмата.

При тягѣ къ далекимъ, свѣтлымъ перспективамъ грядущаго (помимо мечты доктора Астрова или полковника Вершинина), пріятіе Чеховымъ большевизма, даже въ идеальной его формѣ, а не въ нынѣшней хамской, было бы немыслимо. Большевицкая стихія съ безпощадностью, попираніемъ человѣческаго достоинства, навязываніемъ единой казенной истины враждебна чеховскому творчеству. «Неспособнѣйшъ» къ большевицкой революціи Чеховъ не могъ бы.

Сейчасъ мы присутствуемъ при отвратительномъ явленіи, когда крупный русскій писатель, обладающій мощнымъ талантомъ, унизился до восхваленія Дзержинскихъ, до восхваленія совѣтскихъ достиженій (съ большой выгодой для себя). Возможность такого позорища, конечно, вытекаетъ изъ нѣкоего сродства психики Горькаго съ душой большевизма. Это, конечно, не оправдываетъ, но объясняетъ. Представить себѣ не только принятіе или восхваленіе большевизма, но просто сожительство Чехова съ нимъ нельзя, невозможно. Очень кстати напоминаетъ Б. Харитонъ (см. ниже) мѣткое замѣчаніе одного изъ лучшихъ современныхъ русскихъ писателей Замятина о томъ, что стало бы съ Чеховымъ, если бы онъ жилъ въ большевицкой Россіи. Творить, писать онъ не могъ бы: въ лучшемъ случаѣ онъ сталъ бы снова врачемъ, «медсанработникомъ», и власть оцѣнила бы его «работу» по соотвѣтствующему пункту тарифной сѣтки.

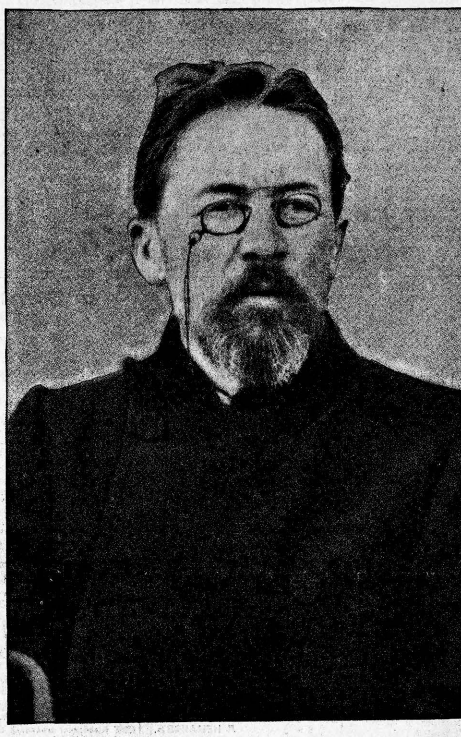
А все-таки большевики допускаютъ празднованіе чеховскаго дня! Что это — лицемѣріе и ложь, которыя такъ глубоко сплетены съ основами большевицкаго уклада? Конечно, и въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, желаніе «показать свою образованность» и культурность, особенно передъ лицомъ Европы (Чеховъ вѣдь извѣстенъ на Западѣ) заставляетъ большевиковъ быть непосредовательными и демонстрировать свое уважительное отношеніе къ классическимъ писателямъ, особенно покойнымъ. Но наряду съ такой цѣлью, можетъ быть, безсознательно для нынѣшнихъ властителей, проявляется признаніе **силы подлиннаго національнаго и духовнаго творчества.**

Пусть Госиздатъ выпускаетъ сотни тысячъ, милліоны пролетарской «литературы», пусть казенные критики воспѣваютъ, какъ геніевъ, Демьяна Бѣднаго, Маяковскаго и т. п. Сами большевики чувствуютъ и знаютъ, что душа народа и общества тянется къ истиннымъ выразителямъ русскаго генія — Пушкину, Толстому, Достоевскому, Тургеневу, Чехову. Безсильные въ своемъ стремленіи уничтожить эту тягу, они, по соображеніямъ «тактики», «признаютъ» этихъ творцовъ, «разрѣшаютъ» литературные праздники и дѣлаютъ попытки пріобщить великихъ покойниковъ къ «пролетарской культурѣ». Потуги тщетныя и напрасныя! Чеховъ, какъ и другіе крупные русскіе писатели, по самой своей природѣ вноситъ въ жизнь старую, враждебную большевизму и его цѣлямъ. Большевики это хорошо понимаютъ, и, разрѣшая праздники, вмѣстѣ съ тѣмъ принимаютъ мѣры для того, чтобы произведенія классиковъ проникали въ массы какъ можно меньше. Стараются они еще и въ другомъ направленіи. Мы не сомнѣваемся, что «тамъ» найдутся остроумные «литработники», которые будутъ разбирать произведенія Чехова подъ угломъ марксизма и будутъ доказывать, что они подтверждаютъ истинность нынѣшняго казеннаго катехизиса. Такія попытки были даже до большевиковъ, когда появилась повѣсть Чехова «Въ оврагѣ», и предшественники нынѣшнихъ совѣтскихъ критиковъ ухватились за это произведеніе, какъ за иллюстрацію классового распада русской деревни.

Все это смѣхотворно и нелѣпо! Чеховскій праздникъ звучитъ въ царствѣ большевизма диссонансомъ. Но важно то, что и совѣтскіе читатели жадно ловятъ этотъ диссонансъ, какъ созвучный глубокимъ, хотя и скрытымъ настроеніямъ и переживаніямъ русскаго общества. Очевидно, и въ тискахъ пролетарской диктатуры Чеховъ сохраняетъ свое обаяніе и свое вліяніе.

Настоящее нельзя ножомъ насилія отрѣзать отъ прошлаго. Преемственность культуры духовной при самыхъ невозможныхъ условіяхъ, хотя бы путемъ художественной литературы, пробиваетъ себѣ дорогу... Въ этомъ — залогъ сохраненія и въ нынѣшней и въ будущей Россіи того вѣчнаго и цѣннаго, что вдохнетъ въ Чехову.

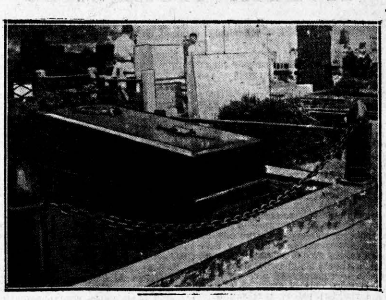
М. ГАНФМАНЪ.



Антонъ Павловичъ Чеховъ.

Къ 25-лѣтію со дня смерти.

(1904 — 15. VII — 1929).



Могила А. П. Чехова

на кладбищѣ Ново-Дѣвичьяго монастыря въ Москвѣ.